

МЕТРИЧЕСКИЕ КНИГИ В СИСТЕМЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ

Культура народа отражает духовное богатство, моральные ценности, вековые традиции социума, его приоритеты и тенденции развития. Значимым и весомым фактором существования и созидания народа являются речь и связанные с нею факторы культуры: произведения художественной литературы, исторические документы, в частности – метрические книги. Указанные документы официально-делового стиля до сих пор представляются малоизученными, особенно на территориальном, местном уровне, хотя, по мнению многих исследователей, метрические книги – исторически достоверные хронологические источники, отражающие данные о каждом родившемся, напр., на Руси. При этом основное внимание уделяется исторической составляющей, тогда как язык этих официально-деловых документов нередко остаётся без внимания.

Считается, что практика ведения метрических книг в России первое законодательное оформление получила в решениях Московского церковного собора 1666 – 1667. Тогда как «первым светским узаконением был указ Петра I от 1702 «О подаче в Патриарший духовный приказ приходским священникам недельных ведомостей о родившихся и умерших». В мае 1722 «прибавления к Духовному регламенту» установили обязательное повсеместное ведение метрических книг в Российской империи» [<http://www.larchive-online.com/genealogy/metrbook-new.html>].

Указ Синода от 1724 г. впервые ввел графические формы метрических книг и уточнил особенности их ведения. А после Указа Синода от 1779 «Об исправном содержании метрических книг во всех приходских церквях» наличие книг в приходах и консисториях стало обязательным.

Традиционно признаётся, что метрические книги являлись первичными источниками регистрации половозрастной структуры и гражданского населения России и одним из жанров официально-деловой речи [<http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/8.html>]. В виде официальной системы учета актов гражданского состояния, метрические книги просуществовали до 1918 г., однако в неофициальной системе они бытовали гораздо дольше.

Структура каждой метрической книги была однотипной: состояла книга из трёх частей, содержащих сведения: о рождении (дата рождения и крещения, имя и фамилия, место жительства и вероисповедание родителей и крёстных родителей, законность и незаконность рождения); о браке

(имя, фамилия, место жительства, национальность, вероисповедание жениха и невесты, в каком возрасте вступают в брак, дата венчания, фамилии и имена свидетелей); о смерти (имя, фамилия, место жительства, возраст умершего, дата и причина смерти, место захоронения). Однако, по данным исследователей, первичными были одночастные книги, фиксировавшие отдельно этапы важных событий человека (рождение, крещение; венчание; смерть, захоронение) [<http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/8.htm>]. Затем эти книги были собраны вместе. Метрические книги рассчитывались на год и заполнялись тем священником, который венчал, крестил и отпевал прихожан своего прихода. Участники таинства (родители и восприемники при крещении, жених или поручители при венчании) могли ознакомиться с внесенной в метрику записью и подтвердить ее верность в соответствующей графе. Самыми грамотными людьми на Руси, а затем и в дореволюционной России, считались писцы и священники. Писцы оформляли договоры, а священники заполняли метрические книги. Каждое событие в метрических книгах имело свой порядковый номер; указывалась точная дата, а иногда даже и время суток. Метрические книги относились к деловой письменности и являлись документом, в 1802 г. был издан закон «О содержании в предписанном порядке метрических книг», в котором говорилось, что книги должны храниться только в церкви, а вести их следует добросовестно. При изучении метрических книг отмечаем, что не всегда данный документ заполнялся в соответствии с указанным законом. Напр., в ряде книг отсутствует указание на время суток. Практически каждая метрическая книга отражала речевые особенности священнослужителя и прихожан, являясь важным источником при изучении нормированности и нормативности, соблюдения норм языка XVIII – XIX вв. То, что на первый взгляд представляется речевой (языковой) ошибкой, может быть рассмотрено с точки зрения соответствия определённому языковому состоянию конкретного временного отрезка, конкретной эпохи.

Метрические книги – весомый пласт речевой культуры России в целом, отдельно взятой территории – в частности. Они позволяют проследить развитие русского языка, становление языковых и речевых норм, как устных, так и письменных в рамках целой страны и на отдельной территории. Речевая культура священнослужителя и прихожан, по данным метрических книг Горного округа (Алтайского края, г. Барнаула), отражала широкую палитру вариативности орфоэпических, лексических и грамматических норм русского языка XVIII – XIX вв., которые находились под влиянием диалектов и территориальных говоров. Л.П. Крысин отмечал: «Источники обновления литературной нормы многообразны. Прежде всего, это живая, звучащая речь. Она подвижна, текуча, в ней совсем не редкость то, что не одобряется официальной

нормой, – необычное ударение, свежее словцо, которого нет в словарях, синтаксический оборот, не предусмотренный грамматикой. При неоднократном повторении многими людьми новшества могут проникать в литературный обиход и составлять конкуренцию фактам, освященным традицией» [Крысин: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1034>].

Нами были исследованы метрические книги, датированные 1790, 1795, 1820, 1856 гг. При внешнем исследовании отмечаем, что все книги трёхчастны, соответствуют более поздней, трёхчастной, структуре, однако существенно подчеркнуть, что в книгах присутствуют разные почерки, что свидетельствует о смене священников, ведущих записи. При этом в каждой книге зафиксированы данные о священнике, который вёл соответствующую книгу. Указанные документы отражают события, произошедшие в течение одного года, на территории г. Барнаула. Метрические книги, как и современные акты гражданского состояния, свидетельствуют об антропонимической составляющей общества г. Барнаула (количественной и качественной), социологической/демографической кривой, частотности бракосочетания и т.п.

Регистрация в метрических книгах велась священниками со слов прихожан, поэтому в записях находило отражение большое количество бытовых (просторечных) наименований, напр.,

антропонимов: Хсения [ф.2, оп.2, д.65, л.54], Федар [ф.2, оп.2, д.67, л.15], Николай [ф.2, оп.2, д.67, л.15], Антонина [ф.2, оп.2, д.57, л.1], Ондрей [ф.2, оп.2, д.57, л.4], Алексей [ф.2, оп.2, д.50, л.4];

топонимов: Масква [ф.2, оп.2, д.50, л.4].

Записывая события, священник нередко допускал отступления от языковой литературной нормы. Причины этих речевых отступлений могли быть разные: от субъективных (низкая грамотность заполняющего книги) до объективных (отсутствие единой кодифицированной нормы в языке, влияние устных форм на письменные, наличие разноречных вариантов произношения).

При этом по записям можно определить особенности речи (говорения, письма) заполнявшего метрические книги. Напр., при изучении метрической книги 1820 г. можно сделать вывод, что в говоре священника преобладало аканье: *дьявица* [ф.2, оп.2, д.60, л.2], *нвеста* [ф.2, оп.2, д.65, л.34], *диревня* [ф.2, оп.2, д.67, л.44], *крестные родители* [ф.2, оп.2, д.27, л.14], *сяло* [ф.2, оп.2, д.27, л.84], *сяление* [ф.2, оп.2, д.67, л.34], *Масква* [ф.2, оп.2, д.27, л.44], *манастырь* [ф.2, оп.2, д.77, л.15], *манах* [ф.2, оп.2, д.77, л.17], *грамата* [ф.2, оп.2, д.77, л.12].

В этой же книге через три месяца появляется написание слов с преобладание оканья: *Мория* [ф.2, оп.2, д.73, л.49], *Екотерина* [ф.2, оп.2, д.63, л.89], *обязон* [ф.2, оп.2, д.73, л.49], *рождон* [ф.2, оп.2, д.73, л.69]. Это свидетельствует о том, что в приходе сменился священник. И в записях

уже проявлялся тот диалект, который преобладал в речи священнослужителя, так как прихожане, по нашему мнению, вряд ли за 3 месяца смогли целиком изменить свою речь или замениться полностью.

Особого внимания заслуживает форма *рождон* [ф.2, оп.2, д.73, л.69], свидетельствующая, по нашему мнению, об отсутствии буквы ё в деловой практике, хотя «рождение» этой буквы относится к концу XVIII в. При этом следует подчеркнуть, что такое написание в некоторой степени отражает конфликт между устной речью пишущего и практикой письма, т.к. книжный (церковнославянский) характер письма не позволял употреблять ё, тогда как в устной русской речи звук [’о] был широко распространён.

В метрической книге 1790 г. наблюдается наличие такой диалектной черты, как еkanie, что отражается в передаче письменной формы таких слов: *десеть* [ф.2, оп.2, д.75, л.63], *дьечок* [ф.2, оп.2, д.75, л.67], *петнацать* [ф.2, оп.2, д.75, л.67]. С полной уверенностью можно сказать, что проявление аканья, оканья и еканья – есть результат влияния живой разговорной речи, прежде всего – самого священнослужителя.

В метрической книге 1795 г. Горного округа наблюдаем большое количество вариативности в области грамматических форм, особенно флексий имен существительных, относящихся к разным типам склонения, что отражает внутриязыковой процесс унификации именного склонения, напр., слов мужского и среднего рода: *дьяк селу* [ф.2, оп.2, д.75, л.23], *без отцу* [ф.2, оп.2, д.75, л.93], *старинного роду* [ф.2, оп.2, д.75, л.73], *жена провосланого мужу* [ф.2, оп.2, д.75, л.93], *утонул в озере* [ф.2, оп.2, д.76, л.72], *из духовного училищу* [ф.2, оп.2, д.72, л.98]. При изучении графы «причина смерти» отмечены следующие записи, произведённые священнослужителями: *от жару* [ф.2, оп.2, д.75, л.27], *от паносу* [ф.2, оп.2, д.75, л.27], *изо рту* [ф.2, оп.2, д.75, л.23], *о детёнку* [ф.2, оп.2, д.75, л.54]. Вариативность окончаний наблюдается и у существительных, исторически восходящих к типу склонения на -а [Обнорский, 2010:172] в форме родительного и предложного падежей единственного числа: *крестьянской жени* [ф.2, оп.2, д.75, л.115], *в реки* [ф.2, оп.2, д.75, л.85], *у родне* [ф.2, оп.2, д.76, л.34], *у жене* [ф.2, оп.2, д.76, л.76], *крестьянину дали пять лет тюрьме* [ф.2, оп.2, д.75, л.54]. Вариативные окончания у существительных, восходящих к типу склонения на -а также проявляются и в творительном падеже единственного числа: *убит дубинуй* [ф.2, оп.2, д.72, л.11] *с крестьяской вдовуй* [ф.2, оп.2, д.72, л.12] *за деревнуй* [ф.2, оп.2, д.75, л.6] Вслед за АА. Шахматовым исследователи отмечают, что подобная вариативность могла возникнуть из-за влияния акающего говора.

Как принято считать, одной из основных норм XVIII в. являлось правильное использование строчных и прописных букв [Осипов, 1993: 35]. Но в метрических книгах, вовлечённых в сферу исследования, четко

прослеживается нарушение указанной графической нормы, и это можно увидеть в следующих примерах: *священник Евлампий Горетовский съ Дьячком Хрисандом Ламшановым* [ф.2, оп.2, д.61, л.33]; *крестьянин Деревни Инюшево Иван Иванович Лямкин* [ф.2, оп.2, д.6, л.14]; *крестьянин села Голубцовского и законная жена Его Мария* [ф.2, оп.2, д.75, л.4]. Такое нарушение прослеживается как в середине, так и в начале строки. По нашему мнению, это может быть связано с тем, что священник, фиксируя одно событие, при переходе на новую строку записывал слово с прописной буквы: *законная/ Жена его Мария* [ф.2, оп.2, д.75, л.4].

Существенно подчеркнуть, что даже в XVIII – XIX вв. проявляется слитное написание некоторых слов, в частности – имён и отчеств, имён и фамилий, сословия и имени человека, что свидетельствует, на наш взгляд, также о влиянии устной речи и, возможно, экономии (как в прежние времена) писчей бумаги: *Крестьянин Иван Курьшев* [ф.2, оп.2, д.75, л.2] *младенец крестьянскийсын* [ф.2, оп.2, д.61, л.13] *невеста МарияЮрина* [ф.2, оп.2, д.61, л.21]

В метрической книге 1856 года наблюдается написание имен собственных со строчной буквы: *младенец фома* [ф.2, оп.2, д.60, л.10] *законная жена анна григорьевна* [ф.2, оп.2, д.60, л.7]. Возможно, в таких случаях проявлялись и особенности писца как языковой личности.

В приводимых источниках закономерно проявляется вариативное употребление буквы й, которая могла передаваться и прежней и-десятеричной (i), как правило, в заимствованных словах: *отец Маіор Петр Николаевич* [ф.2, оп.2, д.43, л.56], *рожден мальчик Тимофеі* [ф.2, оп.2, д.4, л.3]. При этом существенно подчеркнуть, что в XVIII – XIX вв. буква й могла выполнять функцию согласного и придыхательного элемента.

Письменная речь XVIII – XIX вв. отражала наличие множества вариантов (фонетических, грамматических, графических), сосуществовавших в рамках одного источника. Появление вариантов было связано с отсутствием единой кодифицированной нормы, с неупорядоченной устной речью, на которую ориентировалась письменная речь, с наличием различных диалектных черт. Главной причиной вариативности письменной речи являлись незакрепленность и незафиксированность языковой нормы, её становление и широкое влияние диалектной речи.

Изучение метрических книг как источников культурной составляющей эпохи позволяет более подробно представить не только социальный состав жителей города Барнаула на разных исторических отрезках, но и их речевую компетенцию, диалектный состав, условия реализации языковых форм на конкретном временном отрезке.

Библиографический список

1. Ицкович, В.А. Языковая норма / В.А. Ицкович. – М.: [Либроком](#), 2010. – 200 с.
2. Крысин Л.П. Языковая норма и речевая практика / Л.П. Крысин. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=23&article=1034>. – Загл. с экрана.
3. Осипов, Б.И. Язык русских деловых памятников XV-XVIII вв.: фонет., орфогр. и стилист. аспекты / Б.И. Осипов, Р.М. Гейгер, Т.П. Рогожникова ; Омский гос. ун-т. – Омск: ОмГУ, 1993. – 95 с.
4. Обнорский, С.П. Именное склонение в современном русском языке: Единственное число. – Изд.2. / С.П.Обнорский – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 344 с.
5. Русский язык: история, диалекты и современность: сб. науч. трудов / под ред. Л.Ф. Копосова. – М.: Логос, 2005 – 444 с.
6. Чернов В.И. Языковая норма и некоторые особенности развития грамматической системы / В.И. Чернов // Формирование норм русского литературного языка XVIII века. – Ижевск, 1994.
7. <http://www.larchive-online.com/genealogy/metrbook-new.html>.
8. <http://new.hist.asu.ru/biblio/histdem/8.html>.